

МОТИВ СИРОТСТВА В ПРОЗЕ В.П. КРАПИВИНА И А.И. ПАПЧЕНКО

М.В. Комин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

В статье представлен сравнительный анализ описания сиротства в прозе В.П. Крапивина и А.И. Папченко. Рассмотрена история сиротского мотива в отечественной литературе XX в., проведена грань между реальным и социальным сиротством. Сопоставлены подходы В.П. Крапивина и А.И. Папченко к таким проблемам, как преодоление сиротства, побег сироты от суровой действительности и поиск собственного уютного мира, противостояние сироты и общества. Показано различие характера и роли сиротских прозвищ в произведениях В.П. Крапивина и А.И. Папченко. Обоснован вывод о близости и сходстве литературных типажей «крапивинского мальчика» и «папченковского сироты».

Ключевые слова: «крапивинский мальчик», «папченковский сирота», сиротство, сиротские прозвища, крапивинские мотивы

Сиротство является той острой социальной проблемой, которая находит отражение в отечественной и мировой литературе во все времена. По замечанию писателя Б.Д. Минаева, «герои советской детской литературы — от Гайдара до Крапивина — это, как правило, дети глубоко страдающие. Переживающие глубокие потрясения. Попадающие в дико сложные ситуации. И если пытаться выразить эту проблему одним словом, то можно сказать так — это литература СИРОТСКАЯ» [5, с. 12].

В XX в. мотивы сиротства и беспризорничества в русской литературе были обусловлены в первую очередь масштабными социально-политическими катаклизмами: революции, гражданская война в России, Великая Отечественная война, распад СССР и последовавшие за ним региональные конфликты 1990-х гг. [2, с. 24]. Отдельным направлением в раннесоветской литературе стали произведения о «(пере)воспитании беспризорников в специальных школах и учреждениях» [3, с. 36]: это «Педагогическая поэма» (1935) А.С. Макаренко, повесть «Республика ШКИД» (1927) Л. Пантелеева и Г.Г. Белых, роман «Последняя гимназия» (1930) П.Г. Ольховского и К. Евстафьева и др., которые вплоть до эпохи Оттепели рассматривались исключительно с позиций педагогики, в рамках дискуссий об эффективности описанных в них педагогических методов в ущерб их объективной литературно-художественной оценке [4, с. 90]. Сиротство военных лет представлено в творчестве многих выдающихся советских писателей: А.А. Лиханова, А.М. Адамовича, Ч.Т. Айтматова, В.О. Богомолова и др.; в рамках настоящей статьи следует отдельно назвать повести В.П. Крапивина «Тень каравеллы» (1969), «Сказки Севки Глущенко» (1984), «Облака возвращаются с запада» (2005).

В настоящее время на первый план выходит уже не реальное, а социальное сиротство: брошенный ребенок, сирота при живых родителях, становится жертвой проблем и противоречий жизни взрослых. «Ну ладно, тогда голодуха,

тяжелое время, сироты понятно откуда брались, а теперь-то, теперь? Не голод, не война. Нетрудно, в общем, жить. И что? Дети без родителей — вот они, у меня за плечом» [10, с. 211], — рассуждает об интернате молодая учительница Надежда Георгиевна в повести А.А. Лиханова «Благие намерения» (1980). Продолжающийся с 1990-х гг. кризис семейных ценностей, конфликты, разводы, неполные семьи, утрата доверия между родителями и детьми, по мнению специалиста по детской литературе Н.Ю. Богатыревой, — «на сегодняшний день все это оказывается в фокусе внимания практически каждого писателя, работающего для подростков» [1, с. 8].

По словам писательницы Дины Сабитовой, «герой-сирота имеет большую степень свободы, чем другие дети. Для сказок это вообще характерно — оторвать ребенка от корней, от папы и мамы и ежедневного стакана теплого молока и дать ему немножко авантюрную судьбу» [12]. Дина Сабитова указывает на исторические предпосылки мотива сиротства в русской литературе (он вытекает еще из русских народных сказок: сиротами предстают сестрица Аленушка и братец Иванушка, в сказке «Морозко» падчерица терпит притеснения от злой мачехи и т.д.), а также обращает внимание на поведенческие, ролевые, сюжетно-функциональные особенности героя-сироты: такой герой всегда «имеет больше свободы», он не привязан к семье и дому, познает мир на собственном опыте, согласен на риск, что дает автору возможность выстраивать динамичный, авантюрный, наполненный приключениями сюжет, помещать героя-сироту в самые непредсказуемые ситуации и истории. Так, в повести В.П. Крапивина «Лето кончится не скоро» (1995) детдомовца Шурку Полушкина забирают исследователи с планеты Рея: с его участием они хотят привести в активное действие балансир добра и зла во Вселенной.

Нередко в произведениях В.П. Крапивина и А.И. Папченко мотив сиротства выступает ведущим, что во многом обусловлено биографическими предпосылками: Владислав Крапивин имел сложные отношения с отчимом, который был человеком с тяжелым характером, в прошлом — политзаключенным [13]; Александр Папченко рано потерял обоих родителей, с 7 лет жил и учился в школе-интернате г. Шостка Сумской области Украинской ССР [15].

Проведение сравнительного анализа описания сиротства в произведениях В.П. Крапивина и А.И. Папченко представляется актуальным и в связи с тем, что писатели состояли в дружеских отношениях, принимали участие в литературных конференциях и давали совместные интервью, обсуждали собственное творчество и пути развития детской литературы; Александр Папченко называл Владислава Крапивина своим наставником и учителем, в 2007 г. был награжден Премией имени В.П. Крапивина за повести «Две пригоршни удачи» и «Жил-был принц» [14]. Лауреаты Крапивинской премии традиционно ориентируются на крапивинскую романтику, поэтику, художественный подход к изображению детства — таким образом, произведения А.И. Папченко тесно связаны с творческим миром В.П. Крапивина и в некотором плане могут быть рассмотрены как его своеобразное продолжение.

Сиротами являются многие герои Владислава Крапивина: в повести «Выстрел с монитора» (1989) Павлик Находкин живет с мачехой, а Лотика из старинного Реттерхальма воспитывают тетки; Лесь Носов в повести «Дырчатая луна» (1994) и Ромка Смородкин в повести «Самолет по имени Сережка» (1994) не знают своих отцов; в романе «Бронзовый мальчик» (1994) Кинтель пытается выяснить, действительно ли его мать погибла в кораблекрушении или она бесследно скрылась, бросив семью ради новой жизни. Крапивинский Севка Глущенко (повесть «Сказки Севки Глущенко», 1984) до последнего ждет без вести пропавшего на войне отца: его возвращение в заключительной сцене дарит Севке самую большую радость в жизни: школьные несправедливости и мелкие нападки вожатой, прежде доставлявшие огорчения, больше ничуть не печалят Севку.

Даже если герои В.П. Крапивина не встречают своих родителей, они все равно находят избавление от горестей сиротства, в первую очередь в искренней крепкой дружбе, а также в поддержке добрых и понимающих взрослых, которые нередко заменяют им родительскую семью. Так, радость от светлой дружбы с Женькой и другими ребятами с улицы Каляева помогает Шурке Полушкину позабыть суровые интернатские будни (повесть «Лето кончится не скоро», 1995); в романе «Бронзовый мальчик» одинокий Даня Рафалов находит верных друзей в парусном отряде «Эспада». Шурку Полушкина берет под опеку добрая баба Дуся, с радостью назвав его своим внуком; Даню Рафалова воспитывает дедушка, который много времени проводит с внуком, поддерживает интерес мальчика к морю, кораблям и истории флота, отправляется с ним в путешествие на пароходе.

Героям В.П. Крапивина практически всегда удается вырваться из горького сиротства в лучшую жизнь: это обусловлено, прежде всего, их твердой верой в лучшее, в победу добра над злом, а также жанровыми особенностями произведений В.П. Крапивина: многие его повести и романы («Голубятня на желтой поляне» (1985), «Лето кончится не скоро» (1995), «Полосатый жираф Алик» (1999) и др.) сочетают в себе жанры фантастики, мистического реализма, что позволяет автору встроить в сюжет фантастическое, мистическое, иногда — волшебное по своему характеру допущение, меняющее жизнь героев к лучшему: так, в повести «Полосатый жираф Алик» потерявшимся в глухой космической пустоте ребятам удается покинуть одинокие Астероиды, преодолеть долгий межгалактический и межвременной путь, вернуться домой к родным и даже отменить свою гибель в страшном прошлом; в романе «Голубятня на желтой поляне» отец и сын, сопротивляясь разделившим их обстоятельствам, отчаянно пробиваются навстречу друг другу сквозь жестокое переплетение времен, пространств, планет и космических штормов.

В творчестве А.И. Папченко сиротскому детству посвящен сборник рассказов «Мы — инкубаторские» (1988). По замечанию В.П. Крапивина, «эти два слова четко и глубоко раскрывают грустную тему. Тему, от которой не уйти, если касаться нынешнего российского детства... <...> Грусть становится глав-

ным настроением рассказа» [цит. по: 11]. Рассказы сборника, по признанию самого автора, во многом автобиографичны и правдоподобно отражают суровые интернатские будни: реалистический подход исключает фантастическое, чудесное допущение в разрешении проблемы сиротства. Герои А.И. Папченко в глубине своей детской души всегда сохраняют робкий огонек надежды на избавление, хотя ежедневно сталкиваются с невыносимо тяжелыми испытаниями. «Литература для ребят вовсе не обязана всегда быть веселой и беззаботной», — отмечает автор в предисловии к сборнику. Центральными темами рассказов выступают брошенность, одиночество, насилие, переживание несправедливости, тоска.

Не все герои А.И. Папченко попадают в интернат по причине проблем в семье. Так, в открывающем сборник рассказе «Лешка» дед отвозит Лешку в городской интернат, поскольку в их глухой лесной деревеньке нет школы. Важное место в структуре рассказа занимает противопоставление близкого и приятного Лешке леса и незнакомого мальчику холодного интерната в шумном городе: «...Или это не вода шумит в трубе, а трепещут и гнутся под ветром осины на рыжем холме. И летят, и летят, и летят над ними облака и лохматые тучи за край леса, за край неба, за край земли... И посередине золотого соснового леса стоит Лешка, запрокинув голову, и солнце льет сквозь купол из разлапистых ветвей. <...> Он идет туда, где, то вспыхивая, то затухая под порывами ветра, совсем как уголек в костре, мерцает осинное пламя. А чтоб уж совсем было счастливо на душе и весело, Лешка, набрав побольше воздуха, кричит: — Эге-гей!!! Я иду к вам. Я — Лешка! Слышите?! Иду!» [11]. Лешка, единственный ребенок на лесном хуторе, все свободное время он проводил в лесу, не чувствуя себя одиноким: лес был для мальчика живым другом, в то время как в интернате среди множества других детей Лешка ощущает себя потерянным и ненужным. Перед отъездом Лешка прощается с осинами как с чувствующими, понимающими его существами: «Уезжаю я. Да, учиться. Как же я останусь? И не упрашивайте. Буду приезжать к вам на каникулы» [там же]. Описание дрожащих на ветру и теряющих листья молодых осин подчеркивает волнение Лешки перед отправкой в интернат.

Локация леса в представленном рассказе А.И. Папченко сопоставима с Безлюдными пространствами из авторского цикла В.П. Крапивина «Сказки и были безлюдных пространств» (1994–2010). В крапивинской фантастике Безлюдные пространства обладают собственным духом, они устали от человеческой злобы и вражды и потому пускают в себя лишь тех, кто не хочет людям зла. «Люди постоянно делают глупости: воюют, природу портят. Второй раз Пространства вредных людей на себя не пустят.... Потому что каждое Безлюдное Пространство сделалось живым. Люди ушли, а оно как бы сохранило человеческую душу» [9], — так говорит о происхождении Пространств мудрый Старик в повести «Самолет по имени Сережка». Безлюдные Пространства умеют чувствовать и понимать настроение героя, служат для него укрытием от жестокости и несправедливости внешнего мира; в них преломляются и смещи-

ваются время и расстояние, волшебная сказка и обиденная реальность, сон и явь. Для Леся Носова таким заветным Пространством выступает «Бухта, о которой Никто Не Знает»: здесь ни за что не появится нахальный Вязников, придумавший Лесю обидную кличку Гулькин Нос, Лесь может в радость купаться и загорать, не выслушивая надоедливых нотаций тети Цецы (повесть «Дырчатая луна»). Шурка Полушкин вместе с ребятами разгадывает тайны поросших иван-чаем бугристых пустырей, где замирает время (повесть «Лето кончится не скоро»). В рассказе А.И. Папченко тоскующий в интернате Лешка мечтает вернуться в свой лес, в свою осиновою рощу — укрыться от шумных детдомовцев и раздраженных учителей в своем тихом и светлом «Безлюдном Пространстве».

Загнанных в угол героев В.П. Крапивина и А.И. Папченко объединяет назревшее желание к побегу: в крапивинской повести «Лето кончится не скоро» Шурка Полушкин сбегает из интерната, чтобы отомстить бандиту Лудову за убийство его отца; Рыжик сбегает из унылого летнего лагеря к друзьям в отряд «Эспада» (роман В.П. Крапивина «Рыжее знамя упрямства», 2006); в крапивинской повести «Полосатый жираф Алик» потерявшиеся в Космосе ребята строят межгалактический корабль в надежде покинуть пустынные Астероиды и возвратиться домой. Таким образом, герои В.П. Крапивина всегда пускаются в побег с конкретной целью, что поддерживает их решимость и предопределяет их победу.

Героям большинства рассказов Александра Папченко некуда бежать: у них нет дома и родных, нет верных, как «крапивинские мальчишки», друзей, нет понимающего человека, который согласился бы просто выслушать их. «Вообще-то из нашей школы часто бегали. Чуть что — слабонервный сразу в бега. Полшколы его ловит. Догонят — назад волокут. А завтра, глядишь, тот, что вчера ловил, сам в „бегунки“ записался, — признается Сережа в рассказе «Малыш». — Короче, отмахал я сгоряча квартала три по Петуховке. Оглянулся — никто за мной не гонится. И тут мне совсем тошно стало. Вроде уже и плевать всем — был я, не был, убежал, не убежал. А может, так оно и есть? Постоял и поплелся обратно» [11]. Разочаровавшись в побеге в никуда, Сережа предпочитает уйти от суровой интернатской реальности в светлые мечты и зачитывается фантастической книжкой «Малыш» Стругацких. «А что, сделать бы такой аппарат, чтоб надел ты его, крутанул рычажок на поясе — и полетел. И чтоб солнце! И некошенная трава прямо в лицо. И скорость. А ты, никого не боясь, паришь себе, как птица. Спикируешь к земле и опять в небо. И застынешь там, словно облако. И пусть ветер несет тебя, куда ему хочется» [там же], — фантазирует Сережа на чердаке интерната.

Название рассказа «Малыш» подчеркивает наивность мечтаний главного героя (в действительности мальчик является подростком); Сережа в рассказе А.И. Папченко лишь мечтает о чудесном полете — избавлении, возможности вырваться из трясины детдома, в то время как герои повести В.П. Крапивина «Самолет по имени Сережка» Ромка с Сережкой вместе летают сначала во сне, а потом и наяву: крапивинский Сережка «на самом деле» умеет превращаться в

самолет. В сборнике «Мы — инкубаторские» (1988) рассказ «Малыш» выступает завершающим: его заключительные слова оказывают большое влияние на настроение и восприятие всего сборника. Отчаявшийся Сережа решает довериться ветру — ветру судьбы, ветру перемен, ветру времени.

Отдельно следует сопоставить прозвища героев-сирот В.П. Крапивина и А.И. Папченко. Прозвище имеется практически у каждого героя Крапивина. Сиротское прозвище крапивинского героя может носить ласкательный характер, происходить из детства: «Лопушок... Меня так в детстве звали, потому что лопухий был... Мама так звала... Сейчас некому так звать. Мамы нету... уже три года» [9], — с грустью рассказывает Сережка Ромке (повесть «Самолет по имени Сережка»); прозвище отражает горькую судьбу сироты: в повести «Полосатый жираф Алик» Веронику Донцову за глаза называют Сырой Верандой — «так ее прозвали за то, что глаза всегда мокрые и красные. Кто-нибудь скажет ей что-то не по душе — и сразу сырость. Вот такой характер. Смеялась она редко, а дулась почти все время» [8]. Шурка Полушкин (повесть «Лето кончится не скоро») получил в интернате прозвище Снайпер — «может, за непримиримый прищуренный взгляд?» [7] — интернатское прозвище Шурки отражает особенности взгляда и характера, умение постоять за себя.

В интернате (закрытом иерархичном коллективе) прозвища и клички приобретают особое значение, нередко заменяя собой имя. С одной стороны, они затирают личность, индивидуальность, закрепляют за ребенком определенную репутацию и вынуждают его следовать обозначенной модели поведения; с другой стороны, за навесной кличкой можно спрятать свое «истинное Я», свои травмы, переживания и слабости. «Моя интернатская кличка была Тапочек», — отметил А.И. Папченко в автобиографии [15].

В рассказах А.И. Папченко прозвища детдомовцев зачастую являются подчеркнута грубыми, уничижительными, оскорбительными: Муха, Хряк, Штырь, «и Шпиг, и Жиртрест, и почему-то Сельдерей» [11]. Пренебрежительные прозвища отражают недоброжелательные отношения между подростками, по их употреблению можно судить о распределении ролей доминирования и подчинения в интернатском коллективе.

Герои В.П. Крапивина и А.И. Папченко никогда сами не выступают агрессорами, они лишь вовлекаются во внешний конфликт, преодоление которого способствует их внутреннему преображению и становлению их характеров. Протагонист Крапивина и в литературоведении, и в читательской среде традиционно именуется «крапивинским мальчиком» [6, с. 153] и представляет собой яркий и узнаваемый социокультурный типаж: как правило, это младший подросток, утонченный романтик и мечтатель, любитель приключений. Крапивинского героя отличают твердая вера в добро и обостренное чувство справедливости, при всей своей внешней беззащитности он не раздумывая бросается в бой с любым злом и подлостью: так, Ромка и Сережка защищают осиротевшую девочку Сойку от унижений пьющей бабушки (повесть «Самолет по имени Се-

режка»), Лесь Носов как может утешает потерявшего родителей Ашотика и дарит ему дрессированного кузнечика (повесть «Дырчатая луна»).

Подобно «крапивинским мальчишкам», «папченковские сироты» приобретают обостренное чувство справедливости, сталкиваясь с ужасающей несправедливостью интернатской жизни: Лешка выбегает из класса, когда учительница начинает до крови бить Муху, в рассказе «Ящик» больной мальчик терпеливо переносит травлю в своей группе, в рассказе «Любовь» одноклассники издеваются над Эриком Пустовойтовым.

Каким бы ярким и сильным ни был внешний конфликт в произведениях В.П. Крапивина и А.И. Папченко, акцент в них всегда на конфликте внутреннем. Юные герои-сироты В.П. Крапивина и А.И. Папченко оказываются той силой, которая отчаянно противостоит социальной жестокости — и побеждает. Даже если мальчишкам не всегда удастся остановить антагониста — жестокого взрослого, наделенного силой и властью, компанию озлобленных детдомовцев, ребята неизменно одерживают победу над собой, над собственным малодушием, прежней трусостью. В момент испытания «папченковский сирота» подобно «крапивинскому мальчику» отстаивает собственное достоинство и не дает в обиду слабого (в рассказе «Любовь» Эрик не позволяет Хряку насмеяться над растерянной Мальвиной, в рассказе «В сушилке» Проф и Сипина как могут защищают Бутковского от нападков хулигана Капусты), что в совокупности с его стремлением к свободе, мечтательностью (желание Лешки вернуться в свой заповедный лес, мечты Сережи о полете) и верой в добро позволяют говорить о сходстве представленных литературных типажей. Сам А.И. Папченко подчеркивал влияние книг В.П. Крапивина на его произведения, присутствие крапивинских мотивов в его собственном творчестве [14].

В.П. Крапивин так писал о творчестве А.И. Папченко: «В его повестях и рассказах — свой, „папченковский“ мир, „папченковская“ тональность. Свои, узнаваемые сразу ребята — с незабываемыми характерами, со смесью наивности и мудрости, с иногда дурашливым и в то же время философским отношением к действительности. С очень естественной добротой, которой так недостает в нашей жизни. <...> Часто вдруг проникает нешуточная грусть, щемящая лирика или мысли о непрочности человеческих радостей... <...> И после этого уже не кажутся странными и чужими горькие (хотя и тоже не без юмора) рассказы об интернатских ребятах — цикл „Мы — инкубаторские“» [11].

Список использованной литературы

Исследования:

1. Богатырева Н.Ю. Русская литература для подростков 2010–2020-х годов: монография. М.: МПГУ, 2022. 190 с.
2. Бухина О., Лану А. Герои-сироты в детской литературе: отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи // Детские чтения. 2015. № 1 (7). С. 24–47.
3. Железова Н.П. «Будемте умны и прекрасны!»: опыт (пере)воспитания беспризорников «Республики Шкид» // Гуманитарный акцент. 2020. № 1. С. 35–38.

4. Козлов Д.С. «Республика Шкид» и Школа имени Достоевского в контексте педагогических дискуссий 1920–1960-х гг. // Детские чтения. 2016. № 2 (10). С. 88–104
 5. Минаев Б.Д. Старинные пасхальные и святочные рассказы // Огонек. 1991. № 15. С. 12–13.
 6. Сергиенко И.А. «Формула Крапивина»: сюжетная модель реалистической прозы Владислава Крапивина 1960–1980-х годов // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 151-165.
- Художественные произведения:*
7. Крапивин В.П. Лето кончится не скоро. М.: Центрполиграф, 1998. 519 с.
 8. Крапивин В.П. Полосатый жираф Алик: межзвездная повесть. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2016. 139 с.
 9. Крапивин В.П. Самолет по имени Сережка. М.: Издательский дом Мещерякова, 2014. 187 с. (БИСС: большое иллюстрированное собрание сочинений).
 10. Лиханов А.А. Повести. М.: Детство. Отрочество. Юность, 2005. 397 с.
 11. Папченко А.И. Принцип Портоса, или Последний свидетель: повести и рассказы / [предисл. В.П. Крапивина]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 453 с.
- Электронные ресурсы:*
12. «Как читателю мне не хватало этих пяти книг. И я их написала»: интервью с Диной Сабитовой. Текст: Ника Максимова // Папмамбук: официальный сайт. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/862/> (публикация от 13.02.2014). Дата обращения: 05.05.2023.
 13. Осенние беседы с Командором. Ч. 1. Владиславу Крапивину — 80 (публикация от 12.10.2018). Текст: Дмитрий Шеваров // ГодЛитературы.РФ: официальный сайт. URL: <https://godliterature.ru/articles/2018/10/12/osennie-besedy-s-komandorom-chast-1-vl> (дата обращения 05.05.2023).
 14. Международная детская литературная премия имени В.П. Крапивина: официальный сайт. URL: http://lit-parus.ru/o_premii.htm (дата обращения: 05.05.2023).
 15. Официальный сайт писателя Александра Папченко. URL: <https://papchenko.ru/> (дата обращения 05.05.2023).

Об авторе

Комин Максим Вадимович — аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: mvkomin@gmail.com.